

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 189

14 JANVIER 1949

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

5-й ГОД ИЗДАНИЯ
Cinquième Année

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

25 frs

РЕДАКТОР А. Ф. СТУПНИЦКИЙ Адрес Редакции и Канторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2e Tél.: CEN. 44-27. Rédacteur en chef A. Stoupnitzky

НОВЫЕ КНИГИ

„ГОЛУБОЙ РОМАН“ ЧЕХОВА

«Голубой роман» Тургенева с Савиной, кажется, все давно уже сказано: известны все подробности их знакомства, издана их переписка. Тургеневу было 62 года, Савиной — 25, но, если можно верить его собственным словам,

для него она была «чем-то таким, с которым он уже никогда не расстанется». Но что, однако, тайлось за этими признаниями? Несколько эпизодических встреч, мечтательная переписка и в итоге — одинокая, «долгая, непонятная любовь», головная, искусственно взращиваемая и, вероятно, вдохновившая его на то странное произведение, которое в нем самом несоответствии с текстом было им озаглавлено «Песнью торжествующей любви».

Трудно и, пожалуй, также несколько забавно попытаться к сравнению. Однако, тургеневское увлечение Савиной по контрасту вспоминается почти невольно, когда из записок Л. А. Авилевой узнаешь теперь о «голубом романе» Чехова.

По отзывам людей, лично ее знавших (умерла она лишь в 1942 г.), это была женщина обязательная, всегда приветливая, ко всем доброжелательная, большая умница, со складом ума несколько ироническим. Волею за ней грешок: с детства проявлялась в нее страсть к писательству. Хотя ничего значительного, она никогда не сочиняла, всегда она что-то строила, неменно жила литературными интересами.

Когда произошла ее первая встреча с Чеховым (это было в 1889 г.), она только что вышла замуж, была еще совсем юна. Большие густые косы припадали ей девичьим вит, и трудно было подумать, что она уже мать семейства. Чехов был писателем с именем. Ему было 32 года; по тем временам он почитался уже вполне солидным человеком. «Глаза у него были с иринопочкой, накрахмаленный воротник хомутом, а галстук был некрасивый» — это не мешало тому обожанию, которым Л. А. Савина окружила своего кумира. Впрочем, кроме обожания было, очевидно, и нечто другое. Во время случайной встречи ничего, казалось бы, не произошло, но... случилось и самое главное: в душе Авилевой вспыхнуло что-то, чего раньше не было: что-то новое появилось и в жизни Чехова. Можно ли это назвать «coup de foudre»?

Встречи молодой замужней женщины с знаменитым писателем были тем затронутой, что она жила в Петербурге, он попрежнему в Москве. Их последующее свидание произошло лишь через три года на юбилее «Петербургской Газеты». Увидев Л. А. Чехов точно позабыл свою роль почетного гостя. «Не кажется ли вам, что когда мы встретились три года назад, мы не познакомились, а нашли друг друга после долгой разлуки?», без предисловий обратился он к своей собеседнице. Настолько мало старался он скрыть свои чувства, что услужливый приятель тут же пустил шутливо будто Чехов решил Авилеву увести и доживать разлуку. Досужая шутка породила семейные недомогания, и Л. А. написала Чехову письмо, полное упреков. Станным образом, благодаря этому недальковому письму между ними возникла переписка, не обрывавшаяся до самой смерти Чехова.

Они продолжали встречаться урывками. Говорили о том, о сем — основное неизменно приходилось заворачивать в ироническую форму. Чехов всегда чего-то не договаривал, всегда чего-то опасался. По-

стоянно жаловался на одиночество, говорил о своем желании жениться, но мечтал найти такую жену, которая бы, как Луна, не каждый день являлась на его небе.

Как-то, воспользовавшись отсутствием мужа Авилева пригласила Чехова к себе. «На огонек» внезапно ввалились непрошенные гости. Вечер был испорчен, оставался горький осадок взаимной обиды, друг на друга, на судьбу...

Промучившись два дня, Авилева заказала брелок в форме книги и, тщательно скрывая отправления, послала его Чехову. На одной его стороне было выгравировано «Повести и рассказы. Соч. А. Чехова», на другой — стр. 267, такие-то строки. Это была ссылка на фразу из «Соседей»: «Если тебе когда-нибудь понадобятся мои записки, то пришли и возьми ее».

Чехов не отозвался. Даже переписка, и та затихла.

Прошел год. На масленицу в театре Свирдина был традиционный бал-маскарад. Приехавший на премьеру «Чайки», Чехов был на балу, Авилева, наряженная, в томном, подошла к нему. Завязался тот условный и несколько пошловатый разговор, с обращением на «ты», который на маскарадах почитался обязательным. Посмеиваясь, говорили и о серьезном. Чехов не подавал вида, что узнал свою «маску».

— Я тебе отвечу на все со сцены, сказал он на прощанье.

На первом представлении «Чайки» она сидела, ловя каждое слово. Хлопки заглушались неистовым свистом — она ничего не слышала. Но вот Писа вышла, проглотила с Третьяковым. Протягивая ему

медальон, она объясняла: «Я приказала вырезать наши инициалы, а с другой стороны название вашей книги». Третьяков перевернул медальон и двоясь отчетливо повторил — такая-то страничка, такие-то строки. Стрелка Л. А. колотилось, как бешеное. Ей казалось, что весь зал, как один человек, обернулся к ней и разглядывает ее. Едва она отошла домой. Дрожжища руками схватила чеховскую книгу, отсчитала строки и прочла: «...кие феномены. Но что ты смотришь на меня с таким восторгом?» Стоило ли дали этой незначительной фразы интриговать весь эпизод с медальоном? И вдруг пронеслось в сознании: она вынула строки в его книге, а он, возможно, в ее... Найти томик своих рассказов, она прочла: «Молодым девицам бывает в маскарадах не полагается».

Памятуя о фиаско петербургских встреч, тихие влюбленные повесились в Москве. Был установлен день и час встречи. В назначенное время Авилева вошла в «Московскую гостиницу», где всегда останавливался Чехов.

Ее обликнул швейцар. «Я к Чехову. Номер 5». Чехова дома не оказалось. Что она тогда пережила, догадаться нетрудно.

Судьба снова становилась поперец их дороги. Выяснилось позже, что в этот день с утра у Чехова пошла горлом кровь, и его отвезли в клинику. Ему запрещено было разговаривать, волноваться было опасно. Доктор с трудом разрешил трехминутное свидание.

Больному было настоятельно предписано молчать. На листке бумаги он написал: «Я вас очень долго благодарю». «Лю» он зачеркнул, улыбаясь.

Переписка их с того дня участилась. Авилева частенько получала письма, запечатанные красным свирчом с надписью

«Одиному везло могола». Чехов как будто выздоровел. Он жила на юге, писал, что много работает, готовится закончить «заказ» Гольцева. Писал об этом неоднократно, словно придала новому рассказу какое-то особое значение.

Рассказ этот был «О любви». Отдельные ситуации в нем в точности воспроизводили детали их встреч, даже некоторые фразы были именно теми, которыми они некогда обменивались. А дальше шла признания: в книжке толстого журнала находилось все то, что он никогда не делился произнести вслух. «Воспоминание о стройной белокурой женщине оставалось во мне все дни. И не думая о ней, но точно легкая теплая ее лежала на моей душе», признавался герой рассказа и — через страничку — «Я был несчастлив. И дома, и в поле, и в сарае я думал о ней». «Мы боимся всего, что могло открыть нашу тайну нам же самим» и, наконец, «...но к чему может повести наша любовь, если у нас нехватит сил бороться с ней, если она вдруг оборвет счастливое течение жизни ее мужа, детей, всего дома...»

Герой понимал слишком поздно, что в любви «не нужно рассуждать вовсе», понимал, когда прошли все сроки, «как ненужно, мелко и обманчиво было все, что менало любить».

Вернуть утерянное было уже поздно.

«Была ли в его жизни хоть одна большая любовь? Думаю, что нет», писал как-то Бунин. Сентиментальная жизнь Чехова, как и Тургенев, сложилась несчастливо. Но Тургенев оксериоризировал даже свои воображаемые чувства. Чехов же умно и прятал полные, слово добел переживаниями. Может быть, оттого этим полуслучайным встречам он и придавал тогда больше значения, чем нам может теперь со стороны показаться. Мы теперь в любви ищем чего-то совсем другого, он же был человеком иного века.

Александр Бахрах.